

"ПОЙДУ НА АМУ И ВСЮДУ..."

или Необыкновенное путешествие с Тарасом Шевченко

1.

Я однолюб. У меня одна Родина, одна, на всю жизнь. Жена и одна Страсть. Страсть эта – поиск. Она не оставляет меня с детства (может быть отрочества или ранней юности), но, конечно, нескончаемо обретает и новые оттенки, и более разнообразные формы, а глубины ее от перехода к переходу меняются, причем, к радости моей, не мельчают. Не дай Бог оказаться на мели; это, по-моему, все равно, что потерпеть кораблекрушение. Мне самому моя страсть кажется прямо-таки бездонной, однако тут, вероятно, я себе льщу: все имеет свои ограничители, самый главный (так сказать универсальный) – душа, степень ее отзывчивости на окружающее, степень восприятия и воспроизведения того, что дорого. Не будучи идеалистом, я в понятие "душа" вкладываю всего человека и все человеческое, постижимое и непостижимое в людях, в себе, то, из чего состою изначально, и каким вылепили меня отец с матерью, среда, время, школа, работа, книги... в общем, сама эпоха, сложнее которой в истории не было.

Поисками нового, разведкой неизвестного живу. Это и радость моя, и мука. То, что не дает мне падать духом даже тогда, когда бывает тяжело. От дел я не бегал никогда, трудного не чурался, ни от чего не прятался – сами понимаете, сколько всякого на долю выпало. И бед всенародных, и испытаний индивидуальных. Героем себя не числю, трусом не считаю, и если что-то отличает меня от многих других, так это страсть и... ее содержание.

Мой бесконечный поиск – в истории давней и недавней, в судьбах личностей, великих и значительных (не значительные мне не встречались), в литературах разных времен и народов: от Льва Толстого до Ваана Терьяна, от Павла Пестеля до Тараса Шевченко и Мусы Джалиля.

Искать значит преодолевать, бороться, драться. Задумываться, ставить задачу, идти к ее решению. Находить, проверять, перепроверять. Упирается в стену и возвращаться назад, чтобы тут же разыскать тропу другую и выходить на путь повернее – без тупика в конце.

Страсть бывает слепой (нечто вроде "любовь зла – полюбишь и козла"), но не о ней сейчас речь, не ее славословлю. Страсть-поиск может быть и эфемерной видимостью, и

фантазией самоутешения, и разновидностью эгоистического самолюбования. А может и самой жизнью – всей жизнью. Ее, такую, и ставлю рядом с высокими для меня словами: Родина... Жена...

Я – однолюб!

2.

Чуть выше, в ряду других известнейших имен, упомянут Шевченко.

Нужны ли к имени этому пояснения? Полагаю, что нет, не нужны. Гениальный поэт Украины издавна стал и признанным гением поэзии всемирной, одним из ее столпов. Шевченковский "Заповіт" знаменит не меньше, чем пушкинский "Памятник". Шевченковский "Кобзарь" не уступает в известности "Фаусту" и "Отелло". Творец вдохновенных стихов и поэм был поэтом и в прозе – вспомнил его повести, его дневник. А пейзажи, портреты, картины, им созданные? Академик гравюры – таким званием увенчала его Академия художеств. Произошло это после десяти лет солдатской неволи в отдаленных батальонах Оренбургского края, на безлюдном полуострове Мангышлак. Из сорока семи лет своей жизни больше половины был он либо крепостным, либо арестантом и "нижним чином", лишенным, кроме всего прочего, права писать и рисовать. За поэзию лишенным...

Не нужные нам с вами, "пояснения" все-таки потребовались. Где и кому? Могу дать точный адрес: Афганистан, Кабул, "круглый стол" афганских литераторов по случаю приезда делегации из Москвы. В составе делегации был и я. В Москве меня наделили полномочиями руководителя, программа оказалась обширной, выполнить ее хотелось наилучшим образом. Но подспудно жили во мне и вопросы "сугубо личные", прояснить которые надумал еще дома, до вылета, даже задолго до него, когда командировка была в сплошном тумане.

Один из таких вопросов касался Тараса Шевченко. Знают ли его в этой стране, сообщения из которой мы в последние годы слушали с таким напряженным вниманием? Интересуются ли им в азиатском государстве, ставшем средоточием бурь?

Будто вскользь, мимоходом я и задал свой неожиданный вопрос в конце нашего первого, допоздна затянувшегося, разговора-знакомства в отеле "Ариана".

- Я слышал, что был он сыном раба и родился в рабстве, – отозвался Сидик Руфи, автор многих статей о пуштунской литературе, уважаемый профессор.

- Его стихи, некоторые из них, мне известны в узбекских советских переводах, – скромно сказала литературовед Шафика Иоркин.

- В Киеве, по всей Украине поэзией Шевченко напоен сам воздух, – вставил от себя Сайд Азам Ахгар, молодой поэт. – Я в Киеве учился...

Что ж, пусть не все, а слышали. Но почему не все?

Ни один вопрос без ответа оставаться не должен. Вот и рассказал о бессмертном Тарасе сам. Совсем коротко, но не сделать этого не мог.

Слушали меня внимательно.

3.

Шевченковский энциклопедический словарь – издание интересное. Статьи, помещенные по выходе его в свет во многих газетах у нас и за рубежом, назывались почти одинаково: "Все о Шевченко". Но ни одна наука на месте не стоит. Каждая отрасль знаний накапливает вопросы и ответы. Проходит какое-то время, порою совсем небольшое, и даже самый фундаментальный справочник выказывает свои проблемы, спотыкается то на одном, то на другом.

Готовясь к поездке в Афганистан, я положил перед собою два тысячестраничных тома "Шевченковского словника" и стал искать в них хоть какую-то информацию о связях Шевченко с этой страной Азии.

Никакой "спасительной нити" словарь мне не бросил.

Английская литература и Шевченко... Аргентинская литература и Шевченко... Афганская литература и... Но нет, такой статьи не оказалось. Может, искать по названиям двух основных языков страны?

Пушту литература, дари литература... Результат тот же.

Перебираю в памяти имена наиболее известных мне поэтов Афганистана – в Шевченковском словаре нет ни одного, а это значит, что к Шевченко, по мнению авторитетного коллектива составителей, они не причастны. Не писали о нем, не переводили его стихи.

Так что, о нем там не знают?

Предыстория вопроса за "круглым столом" отеля "Ариана" была примерно такой.

Сидик Руфи и другие своими ответами меня чуть-чуть "успокоили", а все ж, по строгому счету, не прояснили ни-че-го.

Пришел ли великий Тарас в страну гор и легенд? Когда и с чем?

...Но почему, собственно, он должен был сюда придти? Только потому, что этого хочу я?

Желал того он сам.

4.

Судьба сделала его знатоком Азии.

"...Солнце только что закатилось, когда я переправился через Сакмару, и первое, что я увидел вдаль, это было еще розового цвета огромное здание с мечетью и прекраснейшим минаретом. Это здание называется здесь караван-сарай..." Так описывал он самые первые свои впечатления от Оренбурга 1847 года.

Первыми приятелями, друзьями в Оренбурге стали земляки – чиновники Пограничной комиссии. А на Комиссии лежала связь с народами и народностями близких и далеких земель южнее этого города, на азиатских просторах России.

Оренбург, крепость Орская были опорными пунктами российско-азиатской торговли. Их "меновые дворы" притягивали караваны с товарами. В первые же месяцы солдатчины Шевченко писал Варваре Репниной: "Иногда степь оживляется бухарскими на верблюдах караванами как волны моря, зыблущими вдаль, и жизнью своею удваивают тоску. Я иногда выхожу за крепость, к караван-сарая или меновому двору, где обыкновенно бухарцы разбивают свои разноцветные шатры. Какой стройный народ! Какие прекрасные головы (чистое кавказское племя) и постоянная важность, без малейшей гордости. Если бы мне можно рисовать, сколько бы я вам прислал новых и оригинальных рисунков. Но что делать! А смотреть и не рисовать – это такая мука, которую поймет один только истинный художник". Тогда же, или позднее, Шевченко узнает о том, что его обобщающее "бухарскими на верблюдах" относилось и к караванам афганских купцов, давно уже проложивших пути на рынки России.

Народы Азии открывались ему в походе к Аральскому морю и в годы жизни у его берегов/на далеком, глухом Мангышлаке, где совсем близко увидел он туркменов и таджиков, том самом Мангышлаке, который хранил на своих просторах отчетливые следы

сельжукской цивилизации 10-го – начала 11-го веков, когда племена тюрков-огузов завоевали многие территории Средней Азии, большую часть Ирана, Ирак, Малую Азию, взяли под свою власть поистине огромные пространства.

Из Новопетровского укрепления на берегу Каспийского моря, с этого самого, проклятого людьми и богом, Мангышлака, своей "незапертой тюрьмы", Шевченко писал в 1854-м другу-поляку Брониславу Залескому: "Поцелуй Карла за меня и скажи ему, что ежели он решился побывать на Сыре, то я пойду за ним на Куань и на Аму, в Тибет и всюду, куда только он пойдет".

"Карл" – это военный инженер Герн, человек большой, щедрой души, его знакомый, а потом и друг еще с майско-июньского в сорок восьмом похода через степи и пустыни к Аралу. "Пойду за ним..." Афганистан не назван, но Аму-Дарья служила естественной границей двух держав, дальнейшая же дорога ("в Тибет") виделась ему не иначе, как через эту страну – реальную и в то же время сказочную.

Афганистан в глазах "оренбуржцев" (попавших сюда и по собственной, и не по своей воле) был неотделим от живых еще воспоминаний о Яне Виткевиче – сначала рядовом, отданном в солдаты за участие в польском патриотическом движении, а в дальнейшем офицере и дипломате, большом знатоке Востока. В 1837-м на Виткевича, отправленного для переговоров с правителем Кабула Дост Мухаммед-ханом, была возложена задача: "Примири афганских владельцев, объяснить им, сколь полезно для них лично и для безопасности их владений состоять им в согласии и тесной связи, дабы ограждать себя от внешних врагов и внутренних смут". Ему поручалось объяснить соседям, что "Россия", по дальности расстояния, не может оказать им действительной помощи, но, тем не менее, принимает в них искреннее участие и всегда будет через посредство Персии оказывать дружественное за них заступление".

Круг обязанностей офицера-дипломата был необычайно широк. Он должен был собрать подробные сведения о труднодоступной, а потому совершенно загадочной, державе. Один только перечень пунктов – на добрую страницу. Тут и "подробное исследование положения всех дел в Афганистане; способов и средств, какие имеет сия страна или могла бы иметь к своей обороне: о финансах, войске, народонаселении и проч. и проч.", и собирание данных "о взаимных отношениях всех афганских владельцев между собою, отличительных свойствах каждого; о средствах к их теснейшему сближению и в особенности о том, есть ли какая-нибудь возможность опять соединить в одно целое

разъединенные ныне области Афганистана", "о торговых сношениях афганцев с Россией: в каком положении сия торговля сравнительно с прошлыми годами? если упала, то от каких причин? какие товары наши там более в ходу? на какие может еще быть потребность?.." Почти два года отдал Виткевич выполнению труднейшего поручения. И стал он истинным посланцем доброй воли, дружбы, взаимопонимания...

"На Куань и на Аму, в Тибет и всюду" отправиться Шевченко не смог. Распоряжаться собою он был не вправе. "Нижний чин" да еще из тех, которые "под строжайшим надзором"... Что и говорить, положение безрадостное!

А Восток продолжал входить в него своими нравами, обычаями, сюжетами. И, как венец этого, вдруг (да нет же, не вдруг – подготовленно, осознанно) возник в Шевченко замысел поэмы "Сатрап и Дервиш". То, что было ему ненавистно у себя на родине, решил он гласно, во весь голос разоблачить, прибегнув для "конспирации" к хитрости: переносу действия в некий "восточный пашалык". Каждый штрих этого фона представлялся ему во всех деталях.

5.

"И всюду, куда только он пойдет..." Желал, да не попал. Это, так сказать, физически.

Но настоящий поэт, тем более великий поэт, продолжает жить и после смерти.

Поэзия такой силы и страсти, как у Шевченко, вечна. Вот только барьер языка. Писал-то он на украинском... Да ведь в Китае его читают. И в Японии читают. И в Индии. На китайском языке "Кобзарь" вышел четырьмя изданиями. В первый раз – в грозном для нас (и человечества) сорок втором, в Гуйлине, во второй – в том же году, но уже в Чунцине. Два десятилетия спустя порадовал книгой переводов Шанхай. Еще через двадцать лет шанхайские издатели одарили томом с иллюстрациями: страницы украшают портреты и автопортреты Тараса Шевченко, факсимиле его "Завещания". Четвертое издание разошлось так быстро, как и предыдущие.

Десятки лет пропагандирует идеи и образы Шевченко Тейсуке Сибуя – один из основоположников японской крестьянской, а затем и пролетарской литературы. Первый же сборник своих стихов он посвятил памяти Кобзаря далекой Украины. С двадцатых годов нашего столетия несет он своим соотечественникам правдивое слово о

революционном и поэтическом подвиге близкого его сердцу гения. Благодаря Тейсуке о нем знают уже многие японцы.

"Индийские читатели познакомились с поэзией Тараса Шевченко на протяжении последних двух десятилетий, когда часть его произведений была опубликована на нескольких языках народов Индии, – говорит литературовед, поэт и переводчик Каранджит Сингх. – Стихи и поэмы Кобзара сразу же привлекли внимание наших читателей, прежде всего – своим революционным гуманизмом". Сам он перевел на язык пенджаби "Завещание". С глубоким личным пристрастием относится к наследию замечательного украинца Дхарамы Госвами – автор первой на бенгальском языке книги о Шевченко. "Считаю, что такие поэты, как Тарас, близки и понятны каждому народу", – утверждает он. Мохамед Шериф привез в Киев, на недавний Всесоюзный Шевченковский праздник, свой перевод на тамильский язык "Дневника". А вот сказанные им слова: "Каждое его, Шевченко, произведение неповторимо... Я давно убежден в том, что и "Завещание", и "Гайдамаки", и "Назар Стодоля", и "Дневник" должны звучать на всех языках мира".

...Языковой барьер истинно великой литературе не преграда. По крайней мере, преграда не из непреодолимых. С уверенностью в этом и задал я свой вопрос участникам "круглого стола" в Кабуле. Было то в пятый день третьего месяца одна тысяча триста шестьдесят пятого года, или по нашему календарю, в конце мая 1986-го. Ответы, как могли убедиться вы сами, исчерпывающими не получились.

6.

Открыл своими стихами Индию, но остановился перед Афганистаном?

Наследием веков и войн утвердилось здесь неграмотность. Век покорения Космоса и вдруг – девять из десяти ни читать, ни писать не умеют. Среди женщин страны грамотой владеет только каждая двадцатая. Представить себе такое прямо-таки невозможно.

В неграмотности причина того, что Афганистан страной читающей не назовешь.

Зашел в публичную библиотеку Кабула. По нашим меркам она невелика, но что-то, а литература Афганистана представлена здесь с достаточной полнотой.

Ищу ответа на вопрос, который однажды уже задал. Не нахожу его и здесь.

Хайдари Уджуди работает в библиотеке двадцать три года. Ведает он отделом журнальной и газетной периодики, знает тут "все и вся" – живой каталог. Ко всему библиотекарь еще и поэт, причем признанный. – с собственным сборником стихов. Нет, статей о Шевченко в периодике страны он не припомнит. Переводов его стихов тоже. Мог, конечно, и запомнить. Хорошо бы пролистать все номера журнала "Жвандун" – и на дари, и на пушту; в последние годы в нем гораздо чаще стали печатать подборки, посвященные поэтам разных народов. Запомнились, например, о Сергее Есенине, о Мусе Джалиле.

Но Вазеф Бактари, главный редактор "Жвандуна" и один из крупных афганских поэтов, участвовал в той первой встрече за "круглым столом" и не преминул бы внести ясность еще там. Не сказал – значит, не было.

7.

Да не создается впечатление, что в Афганистан я летел исключительно "ради Шевченко".

Делегация Союза писателей, руководство которой было поручено мне, имела достаточно широкую программу. Поелику возможно познакомиться с писателями и писательским союзом страны, откровенно поговорить о литературе нашей и их, своими глазами повидать, как живут люди.

Времени попусту не теряли. Рассказывали и- спрашивали, отвечали и- узнавали. Афганские коллеги помогли нам встретиться с разными людьми: государственными, политическими, общественными деятелями, видными учеными, специалистами в разных областях, национальными героями и совсем простыми людьми. Встречи происходили в министерских кабинетах и на кафедрах университета, на улицах и за домашним столом.

В один из первых дней меня пригласил к себе Сулейман Лаек.

8.

О, в Афганистане имя это в пояснениях не нуждается. Знают его как поэта. Знают как ученого и организатора научных исследований – президента Академии наук. Знают

как государственного мужа – министра по делам народностей и племен.

"Сердце Лаека – обитель любви к народу" – так отзывался о собрате по литературе его коллега.

Если сердцу отчизна в беде не мила, Если сердце любовь к ней не грела, не жгла, –
Киньте в землю его, пусть займутся им черви, А не то она станет орудием зла.

Это не просто слова – девиз жизни поэта. С детства ему, сыну муллы, был уготован путь служения всевышнему Аллаху. Но в медресе он не доучился – уже из последнего класса исключили. И за что? за выступления против догм религии!

Поступил в Кабульский университет – избрал факультет литературы. Учился с увлечением, много и жадно читал, старался поглубже осмыслить все лучшее в наследии человечества (тогда и пришли к нему Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов). Сам писал, и успешно. На одном из всеафганских конкурсов три его стихотворения заняли все три призовые места, совсем юный поэт удостоился государственной премии. Но закончить университет удалось только к тридцати – тогда же его изгнали оттуда за участие в студенческих волнениях.

Поэзия смолоду стала для Лаека одним из главных орудий в борьбе. Не случайно самый первый свой сборник назвал он именем горы, у подножия которой приютилось родное селение. "Чунгар" для него – начало всех начал и основа всего, что свято.

Стою у ног твоих, и сердце гордо: О родина, ты плоть моя живая! – обращался поэт к горе детства и стране гор.

...Ночами костры в загонах горят

К ним думы мои летят постоянно.

Ты слышишь, Чунгар?

В смятенной душе

Воспоминаний открытые раны.

Как скалы твои терзают года

И время грызет незримо склоны,

Так в песне моей неизбывна боль

За вдов и сирот, за всех угнетенных.

Красивые и грустные стихи о глубоко личном, с которых его поэзия начиналась, все чаще стали отходить в сторону, уступая место мотивам гражданским. Лирика Лаека обрела крылья. И родилось "Послание" – обращение к своей поэзии и читателям будущего, его "Памятник" и его "Завещание":

*Как долго б ни бежали волны времени,
Стихи, мои в народе не забудутся:
Исчезнет кров мой милый,
Сотрется след могилы.
Но не убудет силы
В них, в песнях-восточках, от предка-земляка*

"Невежеству, насилию, равнодушию не сбить с дороги ни любовь, ни творчество!" – провозглашает он свое заветное. "Мой стих, рожденный в муках и страданиях, раскроется для всех цветами яркими" – мечтает поэт о времени, когда "сквозь раздоры, споры" его поэзия, и поэзия вообще, придет "в долины, кишлаки и горы... хранителем родного языка".

"Послание" вызвало в моей памяти "Заповіт":

*Как умру, похороните
На Украине милой.
Посреди широкой степи
Выройте могилу...*

В нашем оживленном домашнем застолье шевченковские строки не просто вспомнились, но и проговорились. И вдруг, не дожидаясь перевода, хозяин сказал:

- О, Тарас! – И с улыбкой добавил: – Батько Тарас! В следующий же момент я узнал, что он, Лаек, перевел это великое стихотворение на язык пушту.

9.

Когда? Каким образом?

Украинского языка он не знает. Не владеет и русским. Что переводу предшествовало? В чем была его первооснова?

Первоосновой "Завещания" на пушту оказался опять же перевод – тот, который осуществил в начале тридцатых годов Лахути.

Позволю себе отступление. На этот раз – о Лахути и его переводе.

Абулькасим Лахути (1887-1957) был – и остается – выдающимся поэтом современного Востока. Сын безземельного иранского крестьянина-батрака, кормившего семью шитьем самой дешевой тряпичной обуви, а вскоре снискавшего себе известность как поэт бедноты, Лахути рос в нужде, с детства узнал тяжелый труд (уже в девять стал учеником кузнеца), рано начал пробовать свои силы в стихотворчестве, в шестнадцать приобрел известность поэтическую, а в восемнадцать – и революционную. Изведал он все: работу в подполье, сражения за победу иранской революции, тюремные застенки, дерзкий побег, эмиграцию, снова подполье, снова бои с оружием в руках, победы и поражения, смертный приговор и – новую жизнь в Таджикистане где стал вдохновенным певцом своего народа, истинным основоположником современной таджикской поэзии.

Поэт-интернационалист много и охотно переводил – Пушкина и Грибоедова, Горького и Маяковского. В 1933 году появилась его интерпретация «Завещания». Возникла она так. Вместе с женой Лахути ехал на Украину. Ц.Б. Бану там родилась и выросла. В дороге она пропела Абулькасиму знакомое ей с детства "Завещание". Впечатление было огромным. Тут же, в вагоне, поэт стал переводить шевченковское на свой родной язык. Переводил, следуя за строем песни, стараясь передать не только содержание, но и ритмику, мелодию произведения.

Его, Лахути, "Васият" ("Завещание") имел шестнадцать строк. Как песня, которую пела жена. Двух срединных строф ("Як понесе з України..." и дальше) там не было. В таком виде и пошел в печать. Таким и дошел до Сулеймана Лаека, еще молодого тогда поэта.

Авторитет Абулькасима Лахути в его глазах был высок несказанно. И как революционера, и как поэта. Это же стихотворение врезалось в душу Лаека по-особому. В нем слилась страсть – революционная страсть – двух борцов против несправедливости, за свободу народов. Своих и – всех на земле...

Слушаю поэта Лаека – темпераментно-горячего и одновременно неспешно-мудрого. Страдаю от явного несовершенства перевода: мой переводчик "заслушивается" и довольно часто обо мне забывает. Ревную, хотя и понимаю:

сам на его месте вел бы себя не лучше. Но постепенно начинает казаться, что рассказчика я понимаю и без посредника. Было бы это так на самом деле!

- У нас, афганцев, есть поговорка: "Когда говоришь от имени друга – говоришь и за себя". Лахути воспринял Шевченко именно как друга. Я, читая Лахути, воспринял как близкого мне человека и его самого, и – через него – Шевченко. "Красивый голос лечит уши" – утверждает наш народ. Тут эта мудрость не совсем уместна: не в красоте голоса суть заключалась и не в приятности слов для нашего уха. Другие поговорки уместнее: "Умное слово, как гора весома", или такая, тоже мудрая: "Рана от сабли заживает, а от слова – нет".

Будто могучая река оказалась в одном сосуде-кувшине. Шестнадцать строк и – вся вера народа в его будущее, вся надежда на освобождение от цепей рабства, вся сила призыва к действию. Никогда до того я не видел ни Украину, ни Днепр, у братьев-славян – украинцев – было свое горе, у нас, афганцев, свое, но такое ощутил я вдруг родство душ и родство бед, что просто не мог не постараться донести призыв Тараса до тех, кто читает и говорит на пушту. Когда точно это произошло, я не помню. Перевод пламенного стихотворения распространялся сначала изустно, потом появился в одной газете, в другой, а далее увидел свет в сборнике "Палатка кочевника". Он вышел в мае 1976 года в Дели (обстановка в Афганистане была такой, что на родине издать свои стихи я не мог). Мне эта книга очень дорога. В ней – мои созревшие надежды на переустройство жизни, мой призыв не выжидать, но действовать.

Эй, солнце, встань!

Над миром засияй!

Согрей под снегом вешние цветы.

Пусть улыбнется плачущее небо

И воскресит умершие мечты!

...О многом спросить мне хочется. Успокаиваю себя: обязательно спрошу обо всем. А пока не даю гостеприимному хозяину уйти от истории его перевода. Так хочется узнать, услышать, прояснить все, даже малейшие, детали.

- Шевченковский набат будто окрылил и меня самого. Я стал писать смелее, призывнее.

Объединимся, сблизимся, друзья!

Возьмемся дружно, перетрем канаты,

Тяжелые оковы разобьем

И темные разрушим казематы.

Это из стихов тех же лет, когда состоялся мой перевод знаменитого стихотворения вашего Кобзаря. Конца шестидесятых – начала семидесятых...

- Первых коллег-украинцев я встретил в 1973 году в Алма-Ате, куда ездил на Конференцию писателей стран Азии и Африки, – продолжал Сулейман Лаек. – Там мне захотелось увидеть живого земляка Тараса Шевченко, и желание осуществилось. Меня познакомили с писателем Украины Анатолием Хижняком. Конечно, заговорили о литературе. Он упомянул Шевченко и вдруг прочел "Завещание" в оригинале. "Может быть слышали раньше?" – спросил меня. Я сказал, что на языке Шевченко слышу стихотворение впервые, но с идеями, мыслями, чувствами его знаком и даже попытался переложить их на свой язык. "Перевели "Заповіт"?" – удивился и обрадовался Хижняк. Кивнул, подтверждая, и прочел вслух. Он попросил прочесть еще раз, а сам в такт мне читал шевченковские строки на родном языке. По его же просьбе, перевод я записал, и листок этот улетел в Киев. А три года спустя, попал в Киев сам. Своими глазами увидел и Днепр, и Украину, молча постоял у прекрасного памятника Поэту, ходил по залам замечательного Музея Шевченко на красивом бульваре его имени. Потом получил оттуда письмо со многими вопросами, но ответить на него не смог – обстановка была самой сложной, смертельная опасность подстерегала на каждом шагу. Не оставляю надежды побывать на Украине снова. Надеюсь и на то, что к "Завещанию" вернусь, чтобы перевести его полностью и лучше, конечно, чем сделал это когда-то. А перевод мой живет и распространяется. "Палатка кочевника" вышла в свет повторно – на этот раз в Кабуле, уже в начале восьмидесятых годов. Все стихи в сборнике – оригинальные. И только одно стихотворение – перевод. Многие пуштуны даже не сомневаются, что родилось оно на их языке. Как утверждает афганская народная мудрость: "Сердце сердцу все может сказать".

11.

Афганистан – его сердце.

*Я – знамя в страждущих руках народа,
И содрогаюсь я в страданиях многих лет.
Кто я? Родной народ, что вдаль меня ведет, -
Движенью этому конца и края нет.*

Меряет он себя мерою строгою, судит по высшим законам совести.

- Хотел стать учителем – не стал. Политиком стал, но ... только в силу необходимости, потому что этого потребовали интересы народа. Политик я не врожденный. Недоволен собою и как поэт. Конечно, есть стихи удачные, строки неплохие. Но поэту мечтается о чем? о том, чтобы объять весь мир! Удастся ли это мне? Нет, конечно. Но не теряю надежды создать такое, что останется в народе и с народом навсегда.

Вспомнилось стихотворение Лаека, завершающее маленький, но на редкость емкий, сборник избранной его лирики издательства "Молодая гвардия". Называется оно – "Потомкам". К потомкам и обращено. В нем – сокровенное, выстраданное.

*Умру – и скажут: дескать, я
Был не ахти какой поэт,
Что ж, деспотами голос мой
И впрямь глушился, – вот ответ.
И все-таки, в давящей тьме,
В дождливом небе тяжких лет
Я для народа моего
Стихами находил просвет
Мне расставляли западни,
Ломали крылья – не секрет,
Но я и сломленным крылом
Страдальцев закрывал от бед
Для притеснения как щит
Был голос мой, кричащий: "Нет!"
Горжусь, что спину я не гнул,
Что так и не был мной воспет
Ни угнетатель – властелин
Ни тот, кто в белое одет:*

*К ним не взывать в лихой нужде
Я не впустую дал обет...
Привычный стих, остывший стих
Моим огнем живым согрет,
Мой вопль призывный не умрет,
Мой не растает в жизни след, -
Жив буду, как язык пушту,
Вот этих бейтов красный цвет,*

Вслед за Лаеком повторяю: "Жив буду, как язык пушту..." И думаю о том, что, подобно языку народа, жить в Афганистане переложеному им "Завещанию", ставшему явлением не только украинской, но и афганской поэзии.

Из Киева в Кабул, Лаекам, идут не только деловые письма, но и родственные. Там живет Могер – племянник жены уважаемого Сулеймана. Закончил он экономический факультет Университета имени Тараса Шевченко; столица Украины дорога ему как родной дом.

Да, несправедливо (и обидно), что в Шевченковском словаре-двухтомнике не нашлось для Лаека места. Но ведь это свидетельство и того, что мировая слава Поэта неохватна. Как неохватен он сам...

12.

Когда за дружеским столом в гостеприимном доме Сулеймана Лаека речь зашла о киевлянине Могере, пришли мне на ум услышанные за "круглым столом" слова другого питомца киевского института – Сайда Ахгара: "Поэзией Шевченко на Украине напоен сам воздух". Интересно поговорить с ним на эту тему, обидно будет, если первая наша встреча станет последней...

Этого не случилось. Рано поутру следующего дня из окна гостиницы увидел я молодого и бородатого Сайда. Он ждал меня, и с каким вопросом:

- Хочу спросить у вас... У Шевченко есть такое стихотворение: "Мне золотую, дорогую..."?

- "Свою судьбу совсем не жаль. Не жаль мне долю молодую..." охотно продолжил начатую им строфу.

- Оно! Оно!.. Стихотворение поразило меня еще в Киеве, читал его тогда на студенческом литературном вечере молодой и очень талантливый артист, помню даже его имя – Павло.

- Павло Громовенко? В марте он приезжал в Орск, там открывали седьмой в нашей стране Музей Тараса Шевченко, и артист – он уже заслуженный артист Украины – прекрасно читал большой цикл стихов, написанных Шевченко во время солдатчины.

- О, поздравляю его с признанием! Уже тогда я в нем не сомневался. И на долгие годы запомнил: "А все же иногда печаль найдет такая, что заплачу!.."

- Так в чем же вопрос. Сайд Ахгар? Чем могу быть полезен?

- Продиктуйте мне это стихотворение... Помогите разобраться в нем... И, не давая опомниться, спросил: – "Доля" это по-русски, как?

- Судьба.

- Украинский мы не учили, а вот русский – больше... Со мною был "Кобзарь" и выполнить первую часть просьбы особого труда не составило. Прочел стихотворение и раз, и другой, и третий. Вспомнил русский перевод Веры Звягинцевой. Вместе сличали оригинал с переводом, вместе составляли подстрочник: я – на русском, он – на своем.

Время бежало: просидели часа два, успел даже рассказать ему все, что сам узнал об истории стихотворения, исторгнутого самой душой поэта на Кос-Арале, когда он был совсем близко от Афганистана – на Аральском море, в экспедиции А.И.Бутакова.

- Переведу обязательно. Так обидно, что мой народ этого шедевра не знает... Давно о том мечтал, да все не решался...

В знак благодарности за помощь Сайд протянул мне тоненькую книжку в пестрой, красочной и какой-то "сказочной" обложке.

- Русские народные сказки, – пояснил он. – Перевел уже почти пятьдесят, а сюда вошло только десять. Наши дети русские сказки любят. И не только дети... Хочу, чтобы узнали, полюбили у нас и стихи Шевченко.

Родился он в провинции Герат, рос в крестьянской семье. Революция дала ему возможность учиться. Начинал в Ставропольском педагогическом институте, продолжал и завершал образование в Киевском институте иностранных языков. Год тому назад вернулся. Переводит Есенина, Мусу Джалиля, Симонова... Пишет статьи о них – их,

вместе с переводами, публикует "Жвандун". Давно появляются оригинальные стихи. Сборника еще нет, но разве в этом главное? Будет настоящая поэзия – будет книга...

Несколько месяцев спустя я узнал, что в журнале "Жвандун" (что означает – "Жизнь") увидели свет стихотворения Тараса Шевченко "Мне золотую, дорогую...", "В неволе я один скучаю..." в переводе Сайда Азама Ахгара, моего молодого друга – афганского поэта. Там же, во второй книге 1986 года, появилась моя статья о Кобзаре. Каких-либо научных открытий она не содержит – излагает, главным образом, известные обстоятельства многотрудной жизни сына Украины. Но вдруг подумалось: а ведь, может, вполне может стать, что со временем родится и афганское шевченковедение, на пути которого будут серьезные литературоведческие, лингвистические, исторические постижения. Ну как, например, не хотеть, чтобы кто-то из ученых Афганистана попытался с позиций своей культуры разобраться в такой слабоизученной пока теме, как "Восток и Шевченко"? Эти ученые могут сидеть еще в студенческих аудиториях "русского факультета" Кабульского университета, могут находиться среди тех, кто делает самые первые шаги в литературе – иногда робкие, неуверенные (или, напротив, торопливо-запальчивые, самонадеянные), но продиктованные отнюдь не эгоистическим желанием: послужить Родине.

13.

Интернационализм это, прежде всего, взаимное понимание.

Среди оживленного товарищеского разговора за чашкой крепкого, ароматного чая – первейшего, почти ритуального угощения в каждом кабинете и каждом доме – Сидик Каун Туфани нежданно-негаданно загнал в угол" даже нашего прекрасного друга переводчика Асефа.

- Уважаемый рафик Каун прочел свое четырехстишие, – говорил Асеф. – Содержание его, примерно, такое. Проходит день, его сменяет ночь, заканчивается и она, а человек удивляется: ну, почему же не зажигается светоч науки и справедливости?.. Пересказываю в самых общих словах. Стихотворение изложить невозможно, тем более, если в нем глубокая мысль и своеобразие образов...

Нам – осетинской поэтессе Зинаиде Хостикоевой и мне, не поэту, но к поэзии причастному, – это было совершенно ясно. Но переглянулись мы подругой причине.

Содержание прочитанного и пересказанного стиха показалось удивительно знакомым. Правда, в поэзии мира совпадающих тем, идей, образов предостаточно, а все же тут слышалось такое, что за пределы "простого совпадения" выходило.

Редактор смотрел на нас с затаенной, но прорывавшейся улыбкой. В следующее мгновение он прочел то же четырехстишие снова, на этот раз, подчеркивая каждую строку, вслушиваясь в ее мелодию, ее ритм.

Да ведь это же...

- Шевченко! – произнес редактор.

Так вот откуда шло "сходство". От первоосновы – кратчайшего стихотворения, написанного великим нашим поэтом за несколько месяцев до его смерти, а именно 5 ноября 1860 года.

И день идет, и ночь идет.

За голову схватившись в муке,

Все думаешь: когда ж придет

Апостол правды и науки!

Всего четыре строки, а сколько тоски и страсти!

История "розыгрыша" оказалась простой. На первой нашей встрече с афганскими литераторами редактор Каун Туфани не был, но содержание разговора узнал уже следующим утром, причем в деталях, среди которых был и мой вопрос о Шевченко. А поскольку он знал "протокол" нашей делегации, в нем же значилась встреча в редакции, поэт Каун решил подготовить и преподнести сюрприз: перевел на пушту маленькое (только по размерам маленькое!) стихотворение знаменитого Кобзаря, что и осуществил успешно.

...Разговор продолжался долго.

Сын дехканаина стал слагать стихи еще в школе, продолжал – в университете, не прекращал в тюрьме... Написанное в разные годы составило два сборника. Поэзия его переводилась на русский, на украинский, на литовский – этим гордится особенно.

- ...Шевченко просто так... для сюрприза?

Я снова седлаю своего "конька". Спрашиваю вроде мимоходом, как бы уточняя услышанное, а на самом деле проясняю для себя то, что засело в голове и не дает покоя.

- Вы раньше его произведения читали?

Читал и раньше. Например, в переводах Эхсана Табари, иранского поэта. Когда несколько лет тому назад был в Москве, специально ходил к памятнику Тарасу...

Замечательный памятник, и каждый знает, в честь кого он воздвигнут!.. В ту поездку и уже здесь, в Афганистане, познакомился с украинскими поэтами, которые много рассказывали о своей земле, о своем народе и, конечно, о Шевченко. Какой богатый, звучный, песенный язык!..

- Рафик Каун, переводить Шевченко вы еще будете?

- Да, хочу.

Улетая, я уже знал, что для перевода он выбрал два шевченковских стихотворения: "Солнце заходит, горы чернеют" и "Вишневый садик возле хаты".

- Шевченко писал об Украине, а чувства его близки каждому.

14.

Необыкновенное путешествие с Тарасом Шевченко подходит к концу. Первое в эту страну, но, надеюсь, не последнее. По крайней мере для него – одного из столпов мировой поэзии. Твердо верю: известность и слава гениального украинца в Афганистане будет расти.

Перед расставанием полагается присесть. Обычай добрый – в нем и благодарность дому, и надежда на все хорошее.

"Присаживаюсь" не один. Рядом и вокруг спутники этих пятнадцати дней, новые мои знакомые, корреспонденты кабульских газет. При первой такой встрече задал я неожиданный свой вопрос, собравший ответы лишь самого приблизительного характера. Какие вопросы будут сейчас, напоследок? Не от меня – мне?

Вопросов немало, они обо всем. Отвечаю по чести и совести.

И вдруг о Шевченко; да не один – целая "обойма".

- Жизнь его изучают уже целый век, даже больше. Так можно считать ее вполне изученной?

- В своих книгах вы хотите показать Кобзаря каким был или каким представляете?

- Если бы великий Тарас был жив, согласился с вашей трактовкой его жизненного пути или вступил бы в спор с современными толкованиями?

- Верите ли в возможность адекватного перевода поэзии Шевченко на восточные языки, восточный стиль стихосложения?

О, если столько вопросов (и вопросы такие), значит взбудоражил Он, разбередил воображение друзей в Афганистане всерьез.

А это значит... Значит это лишь то, что "на Аму и всюду" ему **БЫТЬ**.